
S 27/254

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВАЖНѢЙШИХЪ РЕФОРМЪ

НЫНѢШНЯГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Н. Марковина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1880.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВАЖНѢЙШИХЪ РЕФОРМЪ

НЫНѢШНЯГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Н. Марковина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площ. Больш. Театра, № 2—32.
1880.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 11 Іюня, 1880 года.

„Мы живемъ въ мудреное время. Говорить легко на другой день, а наканунѣ это совсѣмъ иное дѣло. Мы теперь именно наканунѣ важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій и улучшеній:—улучшеній крестьянскаго быта, гражданскаго судопроизводства, городскаго управленія и пр. и пр. Что же можно сказать, безъ дерзости, о такихъ великихъ предпріятіяхъ до ихъ утвержденія, исполненія, повѣрки опытомъ? Можно только молиться, можно только желать, чтобы все начатое было совершено успѣшно, согласно съ требованіями закона, разума, права, времени, къ истинной, прочной пользѣ всѣхъ сословій, всѣхъ русскихъ людей, въ равной степени; можно только желать, чтобъ Россія, устроясь, или хоть положивъ твердое основаніе, внутри, того вожделеннаго порядка, за которымъ предки наши тысячу лѣтъ назадъ нарочно ѣздили за море, заняла мѣсто въ системѣ государствъ, завѣщанное ей исторіей и назначенное географіей; можно только желать, чтобы всѣ европейскія племена, въ случаѣ нужды, родныя и чужія, находили въ ней свою естественную покровительницу и заступницу, безкорыстную и безпристрастную, безъ всякихъ заднихъ мыслей, потому что все есть у насъ свое, даже слишкомъ, и ничего чужаго намъ не надо; чтобы всѣ честныя и благородныя дѣла европейскія встрѣчали у насъ всегда доброжелательный, согласный, сильный отзывъ. Начало такому новому порядку вещей положилъ нынѣ царствующій Государь Императоръ

въ знаменитомъ рескриптѣ объ улучшеніи быта крестьянъ". Такъ говорили въ Москвѣ, устами маститаго профессора и знаменитаго народолюбца М. П. Погодина, мирные дѣятели университетской науки 12-го января 1861 года. Январь 1861 года былъ въ полномъ смыслѣ кануномъ важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій и улучшеній. Уже 19-го февраля того же года подписанъ былъ Высочайшій рескриптъ, призывающій православный народъ „осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ и призвать Божіе благословеніе на свой *свободный* трудъ, залогъ домашняго благополучія и блага общественнаго". Уже въ февралѣ восходила та заря, о которой сорокъ лѣтъ тому назадъ мечталъ вѣщій поэтъ въ своихъ пророческихъ стихахъ, извлеченныхъ изъ-подъ спуда и торжественно вскрытыхъ тѣмъ же Погодинымъ 12-го января 1861 года.

Увижу ль, о друзья, народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Да, заря восходила. Въ сентябрѣ 1862 года утверждены Государемъ Императоромъ общія начала судебной реформы, основанныя на судѣ устномъ и гласномъ. Въ январѣ 1864 года подписанъ указъ правительствующему сенату о введеніи новыхъ земскихъ учрежденій въ имперіи; въ апрѣлѣ 1865 года о новомъ цензурномъ уставѣ, которымъ ограничено дѣйствіе предварительной цензуры для печати; въ іюнѣ 1870 года о введеніи новаго городоваго положенія, основаннаго на началахъ хозяйственнаго самоуправленія и на устраненіи сословныхъ различій при выборѣ въ общественныя городскія должности. Всѣ эти великіе и незабвенные акты направлены къ одной общей цѣли облагородить человѣка чрезъ признаніе и огражденіе его личныхъ правъ, чрезъ пріобщеніе его къ общественному дѣлу, чрезъ увеличеніе средствъ къ образованію. Какую другую цѣль имѣли крестьянское положеніе, судебные уставы, земскія и городскія учрежденія, правила о печати, призывъ земства къ дѣлу народнаго образованія и т. д.?!

Призванiе къ жизни и дѣйствiю здравыхъ и благонадежныхъ общественныхъ силъ и указанiе этихъ силъ съ особенною рельефностью выражено Государемъ Императоромъ въ рескриптѣ отъ 13-го мая 1866 г. по поводу открытiя новыхъ судебныхъ палатъ и мировыхъ судовъ. Объясняя административнымъ лицамъ, въ какомъ направленiи они должны мыслить и дѣйствовать, дабы соотвѣтствовать требованiямъ новаго порядка вещей, Высочайшiй рескриптъ между прочимъ говоритъ: „надлежитъ имѣть въ виду содѣйствiе тѣхъ другихъ здравыхъ охранительныхъ и добронадежныхъ силъ, которыми Россiя всегда была обильна и доселѣ, благодаря Бога, преизобилуетъ. Эти силы заключаются во всѣхъ сословiяхъ, которымъ дороги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнiя, права общественныя, на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя, начала общественнаго порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и прочнаго благоустройства, начала нравственности и священныя истины вѣры".

Возникновенiе общественныхъ силъ, остававшихся до нынѣшняго царствованiя въ бездѣйствiи, и составляетъ прекрасную зарю просвѣщенной свободы, о какой гадали передовые люди двадцатыхъ—сороковыхъ годовъ и которую привѣтствовали мирные дѣятели университетской науки въ Москвѣ 12-го января 1861 года. Такимъ образомъ то, что составляло предметъ гаданiй и мечтанiй для нашихъ предковъ, предметъ моленiй и желанiй нашихъ отцовъ осуществилось на нашихъ глазахъ, благодаря державной волѣ Того, къ Кому, при самомъ рожденiи Его, были обращены вдохновенныя слова поэта:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званiй—человѣкъ.

Крестьянская реформа и новыя, послѣдовавшiя за нею, вносили одна за другою успокоенiе и умиротворенiе въ нашъ бытъ, не тревожа ничьихъ интересовъ, напротивъ давая всему жизнь, все возвышая, улучшая, обновляя и обезпечивая.

Самые отважные и пылкіе умы едва могли успѣвать за ходомъ этихъ блистательныхъ реформъ, возсоздающихъ Россію, которымъ ничего подобнаго не представляетъ ея исторія.

Бытъ нашъ до вступленія на престолъ нынѣшняго Монарха былъ полонъ пустоцвѣтовъ и злоупотребленій и причиной тому было подавленіе и поглощеніе всѣхъ разнообразныхъ силъ жизни одною силою бюрократическою. Вмѣсто церковнаго управленія, науки, права собственности, закона и суда была одна бюрократія; вмѣсто администраціи часто организованное превышеніе власти, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ея бездѣйствіе въ ущербъ интересамъ казеннымъ и частнымъ. Ретроспективный взглядъ на прожитую русскую жизнь лучше всего уяснитъ гражданское наше воскресеніе, явившееся съ реформами нынѣшняго царствованія и вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ нагляднымъ доказательствомъ словъ покойнаго московскаго митрополита Филарета, что „утѣшеніе нашего Обожаемаго Монарха состоитъ въ желаніи облегчить Своему народу древнія бремена и возвысить мѣру свободы, огражденной закономъ".

Актъ 19-го февраля 1861 года, давшій свободу болѣе одной трети (23,069,631 душ.) всего населенія Россіи, есть дѣло величайшей государственной мудрости, съумѣвшей распутать узы взаимнопротивоположныхъ интересовъ между помѣщиками и ихъ крѣпостными, и въ то же время величайшей справедливости. Крѣпостнаго состоянія не было въ древней Россіи. Сельскіе обыватели наши, или земледѣльцы, составлявшіе донынѣ главную массу этого населенія, были совершенно свободны отъ начала Русскаго государства до конца XVI столѣтія, имѣя право всегда оставить землю извѣстнаго владѣльца и перейдти къ другому. Право свободнаго перехода, во всякое время года, представляло однакожъ значительныя невыгоды въ государствѣ обширномъ и преимущественно земледѣльческомъ. Подати не могли собираться исправно, значительныя пространства земель оставались невоздѣланными и землевладѣльцы затруднялись въ отправленіи лежавшихъ на нихъ, сопряженныхъ съ земле-

владѣніемъ, государственныхъ, особенно воинскихъ повинностей. Первый слѣдъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ явился еще подъ татарскимъ владычествомъ, при учрежденіи татарами, въ половинѣ XIII столѣтія (въ 1257 году), народной переписи для обезпеченія исправнаго взноса податей; дѣйствительное же прикрѣпленіе ихъ послѣдовало только въ концѣ XVI столѣтія, но и это прикрѣпленіе крестьянъ не вдругъ установилось, подвергалось разнымъ, временнымъ и частнымъ, измѣненіямъ въ „смутное время" Россіи, въ началѣ XVII столѣтія, при Годуновѣ, при Лже-Димитріи и при Василіи Шуйскомъ; окончательно можно считать его утвержденнымъ не прежде, какъ по уложенію царя Алексѣя Михайловича 1649 г.

Прикрѣпленіе къ землѣ по уложенію вовсе не было однакожъ юридическимъ актомъ, отдавшимъ крестьянъ въ чью либо собственность: оно было только административно-полицейскою мѣрою, которая относилась притомъ не къ однимъ крестьянамъ, водвореннымъ на частныхъ владѣльческихъ земляхъ, въ вотчинахъ или помѣстьяхъ, но распространялось и на крестьянъ, жившихъ на дворцовыхъ земляхъ, на монастырскихъ земляхъ и въ черныхъ или казенныхъ волостяхъ, т. е. на всѣхъ вообще сельскихъ обывателей. Мѣра эта имѣла цѣлью обезпеченіе исправнаго отбыванія всѣми сельскими сословіями повинностей ихъ къ государству и пресѣченіе бродяжничества, сильно развившагося вслѣдствіе обстоятельствъ того времени, голода, внутреннихъ смутъ и войнъ. Сверхъ того, по сущности всего законодательства XVII столѣтія, съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ соединялось взаимно и укрѣпленіе пользованія землею за крестьянами. Землевладѣльцы постоянно обязывались сохранять за крестьянами извѣстное количество земли подъ усадьбу и подъ пашню, для обработки въ ихъ пользу, и такая земля въ актахъ того времени, правительственныхъ записяхъ и книгахъ, называлась почти всегда крестьянской, въ отличіе отъ вотчинной или господской.

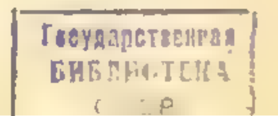
Изъ этого первоначальнаго прикрѣпленія мало по малу

образовалось въ Россіи крѣпостное состояніе, переходя чрезъ различныя видоизмѣненія, причемъ всегда почти обычай, а нерѣдко и злоупотребленія, предшествовали закону, который утверждалъ только то, что слагалось само собою въ народной жизни, силою обстоятельствъ.

Въ теченіе всего XVII вѣка сельскіе обыватели крѣпки были только землѣ, какъ горожане городу, но весьма понятно, что правительство, обращаясь преимущественно къ землевладѣльцамъ съ требованіями по взысканію податей и повинностей съ принадлежащихъ имъ, или отданныхъ имъ въ помѣстья земель, равно какъ и съ призывами къ военной службѣ, на которую бояре и боярскія дѣти обязаны были снаряжаться на свой счетъ, или по старинному выраженію являться „конны, ружны, людны", должно было предоставить землевладѣльцамъ нѣкоторыя права и на личность поселенныхъ на этихъ земляхъ крестьянъ. Изъ актовъ того времени видно, что землевладѣльцы стали переселять крестьянъ съ одной изъ своихъ земель на другую, перечислять ихъ съ пашни во дворъ, т. е. вмѣсто исполненія повинности по обработкѣ господской земли, обращать ихъ въ личную при себѣ прислугу, и наконецъ, отчуждать и переселять крестьянъ на чужія земли по продажѣ или по завѣщаніямъ. Въ послѣдніе годы этого столѣтія продажа крестьянъ разрѣшаема была, если не вообще, то въ частныхъ случаяхъ и безъ земли, а иногда производилась и съ раздробленіемъ семействъ, что обнаруживается изъ указа Петра I, 1721 г. 15 апрѣля противъ этого злоупотребленія. Такимъ образомъ крестьяне, по закону прикрѣпленные еще только къ землѣ, стали прикрѣпляться на дѣлѣ и къ *лицу землевладѣльца.*

Въ началѣ XVIII столѣтія этотъ второй видъ прикрѣпленія крестьянъ получилъ болѣе опредѣлительныя формы при коренныхъ преобразованіяхъ, которымъ геній и воля Петра подвергли все гражданское устройство и весь общественный бытъ Россіи. Петръ Великій, для учрежденія правильнаго взноса податей и отбыванія повинности, ввелъ, въ 1718 г., новую систему народоисчисленія, по такъ называе-

мымъ народнымъ переписямъ или ревизіямъ (указы 1718 г. 26-го ноября, 1719 г. 22-го января, и 1720 г. 5-го февраля). Со введеніемъ этой системы, существовавшій дотолѣ способъ взиманія податей «по землямъ» замѣненъ былъ общею поголовною повинностью, или «подушнымъ окладомъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ на владѣльцевъ земли положительно возложена была, по закону, полная отвѣтственность въ сборѣ подушнаго оклада и отбываніи воинской повинности всѣми водворенными на ихъ земляхъ, какъ крестьянами, такъ и дѣловыми, задворными и дворовыми людьми, т. е. бывшими холопами и кабальными людьми. Холопы и кабальные (существовавшие еще и въ древней и средневѣковой Россіи) обратились чрезъ то изъ рабовъ, или изъ имущества, почти безгласнаго въ государствѣ, въ людей, призванныхъ на службу государству; гражданское же значеніе крестьянъ ощутительно понизилось. Крестьяне были до этого времени если уже не вполнѣ свободнымъ, то полусвободнымъ сословіемъ, а теперь сравнялись съ сословіемъ положительно несвободнымъ; за ними еще удержались однакожъ нѣкоторыя изъ прежнихъ правъ, какъ то: право вступленія въ военную службу по произволу, право пріобрѣтенія недвижимой собственности и право торговли и промысловъ въ городахъ и посадахъ. Землевладѣльцы, съ своей стороны, сдѣлались какъ бы отвѣтственными сборщиками или откупщиками крестьянскихъ окладовъ и повинностей въ пользу государства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, власть ихъ надъ поселенными на ихъ земляхъ людьми расширилась. Зачисленіе за ними крестьянъ не по дворамъ, а по душамъ,—хотя оно и установлено было въ видѣ мѣры скорѣе финансовой и административно-военной, нежели юридической, хотя оно все еще обусловлено было владѣніемъ землею, такъ что помѣщикъ, утаившій крестьянъ своихъ отъ ревизіи, лишался ихъ, а вмѣстѣ съ ними и слѣдовавшей на ихъ долю земли,—было собственно первымъ законнымъ распоряженіемъ объ укрѣпленіи крестьянъ *лично* за владѣльцами земли. При Петрѣ же Великомъ, въ видахъ развитія горнозаводской и фабричной промышлен-

ности, введено было приписываніе крестьянъ не только къ землѣ, но и къ фабрикамъ и заводамъ (указъ 1821 года, января 18-го).

Въ послѣдующія за тѣмъ царствованія Анны Ивановны и Елизаветы Петровны прикрѣпленіе крестьянъ къ лицу землевладѣльца утвердилось еще положительнѣе: во 1) относительно къ крестьянскимъ правамъ, — безусловнымъ обращеніемъ въ полную собственность кабальныхъ людей, все еще считавшихъ себя временно-крѣпостными (указъ 1729 г. марта 26-го), воспрещеніемъ крѣпостнымъ вообще вступать въ военную службу безъ согласія помѣщика, запрещеніемъ имъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія (указомъ 1730 г., октября 25-го и 1742 г., іюня 2-го), и наконецъ, совершеннымъ сравненіемъ, при второй ревизіи, дворовыхъ людей съ крѣпостными крестьянами и повелѣніемъ приписывать ихъ впредь къ деревнямъ, а не къ домамъ (указомъ 1742 года, декабря 16-го); во 2) относительно къ землевладѣнію— окончательнымъ обращеніемъ помѣстій, т. е. земель съ казенными крестьянами, дававшихся во временное владѣніе состоявшимъ на службѣ дворянамъ, въ полную собственность тогдашнихъ владѣльцевъ,—уравненіемъ, такимъ образомъ, помѣстій съ вотчинами или наслѣдственными недвижимыми имѣніями и представленіемъ исключительно дворянству права владѣть недвижимыми имѣніями съ крестьянами, которыми до тѣхъ поръ пользовались лица разныхъ сословій и цѣлыя корпораціи, какъ напр. города и монастыри (указомъ 1731 г. марта 17-го, и 1758 г. февраля 6-го). При всемъ томъ исключительное право дворянъ владѣть таковыми имѣніями считалось еще, по смыслу закона, въ теченіи всей первой половины XVIII столѣтія какъ бы *условнымъ*, т. е. соединеннымъ съ непремѣнною обязанностью нести государственную службу, — военную или, при неспособности къ оной, гражданскую: за неисполненіе дворянами этой обязанности указано было отбирать вотчины ихъ въ казну; на дѣлѣ, впрочемъ, недвижимыя имѣнія становились все болѣе и болѣе полною собственностью дворянъ.

Окончательное или *безусловное* закрѣпленіе крестьянъ за землевладѣльцами послѣдовало не прежде, какъ во второй половинѣ XVIII столѣтія, въ царствованіе Екатерины II. Оно возникло изъ положительнаго освобожденія дворянскаго сословія отъ обязанности непремѣнно вступать въ государственную службу съ подтвержденіемъ права его покупать деревни, по грамотѣ, данной дворянству 1785 г. 21-го апрѣля *). Дворянскою грамотою сословіе дворянства возвышено было надъ другими сословіями въ государствѣ и условное его дотолѣ право владѣнія недвижимыми населенными имѣніями обратилось въ безусловное: эти имѣнія сдѣлались полною собственностью дворянства. Право собственности дворянъ—владѣльцевъ не только на землю, но и на крестьянъ положительно разъяснено было по возникшему частному вопросу въ сенатскомъ указѣ 1792 г. октября 7-го; въ этомъ указѣ сказано, что «крѣпостные владѣльческіе люди и крестьяне *заключаются и долженствуютъ заключаться въ числѣ имѣній*, на которыхъ по продажамъ отъ одного другому купчія пишутся и совершаются у крѣпостныхъ дѣлъ, со *взятьемъ въ казну* пошлинъ *такъ какъ на прочее недвижимое имѣніе*». Слѣдовательно крѣпостные люди къ концу XVIII столѣтія вошли въ составъ недвижимыхъ имѣній, и установленіе крѣпостнаго состоянія изъ административнаго и финансоваго сдѣлалось *юридическимъ*.

Такимъ образомъ установилось въ Россіи крѣпостное состояніе. Слѣдуетъ присовокупить, что какъ при первоначальномъ прикрѣпленіи свободныхъ поселянъ къ помѣщичьей землѣ, такъ и при постепенномъ переходѣ крестьянъ отъ прикрѣпленія къ землѣ къ прикрѣпленію къ лицу помѣщика, сначала условно, а потомъ безусловно, и при окончательномъ чрезъ то обращеніи ихъ въ крѣпостныхъ людей ненарушимо сохранялся главный характеръ русскаго крѣпостнаго права, состоящій въ томъ, что дворянамъ земле-

*) Это освобожденіе первоначально даровано было дворянству Петромъ III по манифесту 1762 г. февраля 12-го, но оно было пріостановлено потомъ по указу Екатерины II 1763 г. февраля 11-го.

владѣльцамъ предоставляемо и укрѣпляемо было постепенно право собственности *не на личность крестьянъ, а на крестьянскія повинности*, т. е. на обязательный трудъ крестьянъ въ пользу владѣльца, и что крестьяне, кромѣ повинностей и службы *владѣльцу*, всегда обязаны были повинностями и службою *государству*. Этотъ характеръ удерживался и до реформы въ нашемъ законодательствѣ. Всѣ постановленія, послѣдовавшія по этому предмету какъ въ концѣ XVIII столѣтія, такъ и особенно въ первой половинѣ XIX вѣка, имѣли цѣлью точнѣйшее опредѣленіе крестьянскихъ повинностей и ограниченіе произвола владѣльцевъ относительно личности крестьянъ.

Устанавливаемые съ этой цѣлью правила и формы должны были постепенно подчиняться разнообразнымъ условіямъ, въ которыхъ находилось поземельное владѣніе въ разныхъ частяхъ государства, столь обширнаго и во многихъ отношеніяхъ разнороднаго, какъ Россія: онѣ должны были подвергаться многимъ измѣненіямъ и исключеніямъ для присоединявшихся къ имперіи, въ западной полосѣ и за Кавказомъ, новыхъ областей съ крѣпостнымъ населеніемъ, существовавшимъ тамъ при своихъ мѣстныхъ условіяхъ общественнаго и гражданскаго устройства. Сверхъ того, съ возвышеніемъ уровня общественнаго образованія формы крѣпостнаго права становились болѣе и болѣе мягкими, неправомѣрность обязательнаго труда и несоотвѣтственность его съ улучшеніемъ крѣпостнаго быта стала проникать въ общественное убѣжденіе. Изъ этого всего сложилось и устроилось наконецъ крѣпостное положеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно установлено въ „Сводѣ Законовъ“.

Въ этомъ видѣ застало его преобразованіе, составляющее великій подвигъ настоящаго царствованія, — преобразованіе, котораго основами были приняты: открѣпленіе крестьянъ отъ личной зависимости землевладѣльцамъ и надѣлъ ихъ землею въ пользованіе, за опредѣленный выкупъ, какъ истинный и дѣйствительный способъ обезпеченія и улучшенія ихъ быта, неразрывно связаннаго съ пользованіемъ

землею, въ теченіе всей исторической жизни крестьянства въ Россіи. Изъ земледѣльцевъ такимъ образомъ крестьяне становились землевладѣльцами, крестьянами-собственниками. «Этакое пришло время", писалъ послѣ манифеста отъ 19-го февраля одинъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ, „что все оживаетъ, все въ движеніе приходитъ; что было вещію, то стало нынѣ существомъ, что было безмолвно, теперь стало говорить!" За крестьянствомъ признаны права свободно-разумныхъ существъ, имѣющихъ свой умъ и волю, которые они, раздѣленные на сельскіе общины и волости, какъ соединеніе общинъ, и заявляютъ на сельскихъ сходахъ по поводу разныхъ сельско-хозяйственныхъ дѣлъ, при выборѣ своихъ властей—сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ—и въ волостномъ судѣ. Короче: крестьяне въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ освободились не только отъ опеки помѣщичьей, но и правительственной, сдѣлались независимыми и отъ администраціи правительственной, и суда правительственнаго, получивъ право выбирать своихъ судей и администраторовъ.

Съ изъятіемъ отъ вѣдѣнія правительственной администраціи и суда крестьянскихъ общинъ, право самоуправленія признано было реформами нынѣшняго царствованія и за болѣе крупными областными и притомъ всесословными единицами, уѣздами и губерніями съ одной стороны и городами съ другой, причемъ крестьянская реформа послужила какъ бы базою земскихъ учрежденій въ 1864 и городоваго положенія въ 1870 г. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ помѣщичьей и правительственной опеки страна наша вступила на путь децентрализаціи. Эта децентрализація, данная положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ и городскихъ, касается только вопросовъ хозяйственныхъ. Ничего подобнаго до и послѣ-реформенная Россія до нынѣшняго царствованія не представляетъ.

Наше отечество до 1-го января 1864 г. не имѣло земскихъ провинціальныхъ учрежденій. При Іоаннѣ Грозномъ въ первый разъ явились земскія повинности на земскія на-

добности; но эти земскія нужды были совершенно несходны съ тѣмъ понятіемъ о мѣстномъ, которое мы теперь имѣемъ. Это была военно-уголовная полиція, вѣдавшая, такъ-называемыя, *губныя*, или разбойныя *дѣла*. Земство у насъ являлось не какъ активная сила, а какъ пассивная, податная единица, потому что у насъ были только земскія повинности и очень значительныя, а земства-то и не было. Учрежденія Екатерины II, правда, ввели выборное начало въ уѣздные и губернскіе суды, въ приказы общественнаго призрѣнія, отчасти въ полицію; впослѣдствіи допущены были представители дворянства и губернскаго города въ комитеты дорожный, народнаго здравія, оспенный. Этими мѣрами дѣйствительно отчасти достигалась одна цѣль самоуправленія,—та, что значительное число лицъ въ управленіи губерніей было *мѣстнаго* происхожденія, притомъ одобренныя сословіями. Но судьи, будучи выборными, не были безсмѣнными,—другія выборныя лица дѣлались въ сущности чиновниками правительства. Разница была только въ томъ, что одни чиновники назначались прямо по выбору правительства, а для занятія другихъ мѣстъ сословія представляли кандидатовъ.

Былъ только одинъ органъ самостоятельный, который, будучи представителемъ нуждъ и интересовъ одного сословія, косвенно дѣлался отчасти земскимъ органомъ. Это дворянское общество. По жалованной грамотѣ дворянство, во 1-хъ, стало *земскимъ* губернскимъ классомъ, во 2-хъ, нѣкоторымъ образомъ сдѣлалось легальнымъ представителемъ губерніи въ противоположность губернатору, какъ представителю государства. Держа въ своей крѣпостной зависимости главную массу губернскаго населенія, дворянство служило связью между правительствомъ и народомъ. Давши ему такое положеніе, законъ различными мѣрами въ порядкѣ судебномъ и правительственномъ старался ограничить перевѣсъ дворянства.

Въ теченіи 100 лѣтъ дворянство для страны сдѣлало весьма мало. Между тѣмъ его прежнее положеніе кончилось:

съ освобожденіемъ крестьянъ оно потеряло главное основаніе власти; другія реформы (реформа полиціи, судебная и даже земская) ослабили то искуственное значеніе, которымъ пользовалось дворянство. Не надобно забывать при этомъ и того, что крѣпостнымъ правомъ, монополіей выборныхъ должностей, привилегіями по государственной службѣ, баснословной банковой системой залога непріученное къ труду, дворянство очутилось при великой крестьянской реформѣ въ такомъ положеніи, когда большей части его трудно было перенесть переходное положеніе. Ясно, что оно не могло болѣе оставаться исключительнымъ представителемъ земства ни по политическимъ, ни по финансовымъ, ни по умственнымъ условіямъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права было естественно потрясено основывавшееся на немъ областное значеніе дворянства, оказалась пустота во внутренней жизни государства и безъ новыхъ земскихъ учрежденій оно пошло бы назадъ къ временамъ Петра Великаго, когда между правительствомъ и отдѣльными единицами не стояло никакихъ организацій. Самые матеріальные интересы правительства также требовали передачи части дѣлъ, имѣющихъ экономическій характеръ, обществу. Русскій законодатель не находилъ въ прошедшемъ не только примѣровъ, даже указаній на элементы для составленія самодѣятельной провинціальной общественной жизни, тѣмъ не менѣе положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ губернія получаетъ полную жизнь *юридическую* и земскія собранія въ предѣлахъ ихъ власти значительную самостоятельность.

Юридическая жизнь состоитъ въ правѣ имѣть собственность, въ правѣ обязательства—занимать, покупать, продавать, вообще вступать въ обязательства, въ правѣ процесса, т. е. быть вездѣ истцомъ и отвѣтчикомъ. Собственность губернская, отличная отъ общинной, частной, государственной, создается государствомъ въ первый разъ. Самостоятельность земскихъ собраній состоитъ въ томъ, что, во 1-хъ, земскія собранія сами судьи правильности своего состава (ст. 37); во 2-хъ, председатели земскихъ собраній, хотя и невыборные собраніемъ, но и не

по назначенію короны,—уѣздный предводитель дворянства—лицо выборное, хотя и другимъ „сословнымъ“ собраніемъ; въ 3-хъ, земскія собранія назначаютъ постоянные исполнительные комитеты подъ именемъ *земскихъ управъ*. Далѣе, земскимъ собраніямъ дано право назначать, независимо отъ членовъ управъ, лицъ изъ своей среды для завѣдыванія имуществами и заведеніями, принадлежащими земству. Предметы же вѣдѣнія земства слѣдующія: оно вѣдаетъ имуществами, капиталами и денежными сборами земства, назначеніемъ и раскладкою земскихъ сборовъ, раскладкою иныхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ; на немъ лежитъ значительная доля мѣстной строительной части, пути сообщенія, народное продовольствіе, общественное призрѣніе, завѣдываніе взаимнымъ земскимъ страхованіемъ и частью санитарною, попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности, участіе въ дѣлахъ по народному образованію, по содержанію тюремъ, завѣдываніе по отправленію разныхъ государственныхъ повинностей; оно избираетъ мировыхъ судей, составляетъ списки присяжныхъ засѣдателей, избираетъ непремѣнныхъ членовъ городскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; кромѣ того, оно отчасти собственною инициативою расширило предоставленный ему первоначально кругъ дѣлъ. Такъ, оно учреждаетъ земскіе банки, принимаетъ участіе въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, заводитъ земскія почты. Относительно мѣръ къ предотвращенію заразъ и къ истребленію вредныхъ для посѣвовъ насѣкомыхъ и животныхъ, а также по части пожарной, земскимъ учрежденіямъ предоставлено даже право издавать обязательныя постановленія.—Замѣчательно, что по положенію о земскихъ учрежденіяхъ и духовенство бѣлое въ первый разъ послѣ Петра Великаго является на ряду съ другими сословіями съ земскимъ характеромъ. Въ старой Россіи оно участвовало въ земскихъ соборахъ, въ уѣздныхъ выборныхъ собраніяхъ, но никогда само по себѣ, а только по выбору лицъ другихъ сословій: священники были избираемы, но не были избирателями. Екатерининскія учрежденія, призвавшія къ

участію въ судѣ и управленіи сословныхъ выборныхъ, исключили изъ числа ихъ духовенство; выборныхъ отъ духовенства не было даже въ знаменитой коммисіи 1767 г.

Съ тѣмъ же всесословнымъ характеромъ, широкимъ правомъ мѣстнаго самоуправленія и жизнью юридическаго лица является и городъ по городовому положенію 1870 г. Ничего подобнаго ни новая, ни тѣмъ болѣе древняя Россія не представляетъ. Екатерина II придавала большое значеніе «среднему роду людей», т. е. торговопромышленному городскому населенію, „отъ котораго, по ея словамъ, государство много добра ожидаетъ“: городъ, какъ мѣстопребываніе этого „рода людей“ долженъ былъ въ глазахъ императрицы играть очень важную роль въ государственномъ строѣ. Но много добра отъ городовъ и ихъ торговопромышленнаго населенія императрица ждала для государства лишь въ томъ случаѣ, если это населеніе «твердое, на добронравіи и поощреніи ко трудолюбію основанное, положеніе получитъ». А такого-то «*твердаго* положенія» города при ея восшествіи на престолъ и не имѣли, да не создало его и городовое положеніе 1785 года. Екатерининская шестигласная дума вполнѣ зависѣла отъ администраціи.—Еще раньше Екатерины II думалъ устранить мѣстныя приказныя власти отъ вмѣшательства въ дѣла городскихъ общинъ и объединить все торговопромышленное населеніе Руси въ одно цѣлое, въ одинъ сословный организмъ, Петръ I учрежденіемъ *Бурмистерской Палаты* въ 1699 году, а потомъ, послѣ неудачнаго опыта учрежденія этой палаты, главнаго магистрата, назначеніе котораго состояло какъ въ главномъ завѣдываніи всѣми городами государства, такъ и въ бережeніи городскихъ обывателей отъ обидъ всякихъ вѣдомствъ, мѣстныхъ правителей и сильныхъ особъ. Часть судебная, полиція, раскладка и взысканіе податей, городское хозяйство, попеченіе о торговлѣ и ремеслахъ, широкое право ходатайства—все это соединено было въ рукахъ магистрата, „яко главы и начальства всему городу“. Но какъ бурмистерская палата, такъ и главный магистратъ являлись не провинціальными, а „общегосудар-

ственными“ и притомъ *сословными* учрежденіями. Магистратъ являлся „главой и начальствомъ“ города, вышедшимъ изъ среды торговопромышленнаго населенія, но состоящимъ на службѣ государственной. Петру I нужна была не автономическая дѣятельность его подданныхъ, а наоборотъ, необходимо было, чтобъ всѣ силы ихъ были прямо или посредственно закрѣпощены государству. Независимо отъ государственныхъ, общественные интересы и цѣли не имѣли въ его глазахъ почти никакой цѣны.

О самоуправленіи общества можно говорить лишь тогда, когда оно, сознавая *свои* потребности и интересы, можетъ удовлетворять ихъ изъ *своихъ* средствъ, пользуясь для этого правомъ *самообложенія* налогами, правомъ самостоятельнаго расходованія собранныхъ суммъ. Никакого намека на это право магистраты не получили. Такое право даровано лишь земству и городу положеніемъ о городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ въ нынѣшнее царствованіе. Замѣчательно приэтомъ, что тѣ общія законныя рамки, которыя извѣстны подъ именемъ положеній земскаго и городскаго, земскія и городскія учрежденія призваны наполнить самостоятельнымъ, *ими* выработаннымъ содержаніемъ. Законъ, правительство и общество имѣютъ право разсчитывать именно на силу личной *иниціативы* членовъ собраній и управъ, на ихъ *самодѣятельность*, на ихъ энергію,—словомъ на все то, что дѣлаетъ изъ человѣка творческую силу и отличаетъ его отъ автомата.

Вѣнцомъ реформаціонной дѣятельности нынѣшняго царствованія, призвавшей къ жизни и дѣйствію общественныя здравыя и благонадежныя силы, нужно считать судебные уставы 20-го ноября 1864 г., давшіе всесословный, гласный, устный и независимый отъ администраціи судъ. Потребность въ правосудіи есть самая глубокая и существенная въ гражданскомъ обществѣ. Народная жизнь, гдѣ стихія права не имѣетъ надлежащаго развитія, неспособна ни къ какому благоустройству и находится въ состояніи варварства и безсилія; все, чѣмъ только дорожитъ человѣческое общество,

предполагаетъ прежде всего идею законности и обезпечивается ея развитіемъ и осуществленіемъ въ жизни. Законность, однакожъ, какъ великое общественное благо, какъ необходимое условіе всякаго благоустройства, какъ обезпеченіе всего лучшаго въ жизни народа, должна быть понимаема не въ смыслѣ формальностей, которыя плодятся только тамъ, гдѣ нѣтъ законности въ ея истинномъ смыслѣ; и наоборотъ, тамъ всѣ стѣсняющія жизнь формальности исчезаютъ одна за другой, гдѣ это начало законности входитъ въ силу и становится дѣйствительностью. Законность и право становятся дѣйствительностью лишь въ той общественной средѣ, гдѣ есть правильный судъ, и гдѣ судъ есть сила самостоятельная и независимая, имѣющая самостоятельную организацію, которая уважена и обезпечена отъ всякаго посторонняго вмѣшательства. И вотъ такой-то судъ является теперь у насъ впервые, а съ нимъ впервые водворяется въ нашей политической жизни начало законности и права.

При исключительномъ господствѣ административнаго начала въ Россіи, судебная власть не выдѣлялась какъ самостоятельная организація, и новое судебное устройство, которое водворено теперь въ нашемъ отечествѣ, справедливѣе назвать не реформою только или измѣненіемъ прежде бывшихъ учрежденій: это есть актъ творческій, есть созданіе новаго, доселѣ небывалаго и преобразующаго цѣлый государственный бытъ страны. Такъ дѣло это задумано и такъ выразилась въ немъ воля Преобразователя. „Возвысить судебную власть", сказано въ Высочайшемъ указѣ отъ 19-го октября 1864 г. „дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ нашемъ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго отъ низшаго до высшаго". Вотъ какому великому дѣлу положено въ нынѣшнее царствованіе основаніе, вотъ что представляется живущему нынѣ поколѣнію утвердить и ввести въ силу. Только съ точки зрѣнія этого новаго преобразованія раскрывается широкая перспектива нашей политической будущности.

Бывшіе доселѣ суды лишь неправильно назывались этимъ именемъ. Дѣйствіе новаго суда не ограничивается только сферою собственно судебныхъ установленій; какъ тонкая стихія, онъ разливается повсюду и всему даетъ новый видъ, новую силу, новое значеніе. Среди нашего общества появилось новое многочисленное сословіе, котораго до сихъ поръ у насъ не было, сословіе судебное, сословіе людей закона, сословіе юристовъ. Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, дѣлается живою общественною силой, и идея законности и права становится могучимъ дѣятелемъ народной жизни. Судъ независимый и самостоятельный, неподлежащій административному контролю, возвышаетъ и облагораживаетъ общественную среду, потому что чрезъ него этотъ характеръ независимости и самостоятельности мало по малу сообщается и всѣмъ проявленіямъ народной жизни. Только благодаря этому нововведенію то, что называется законною свободой и обезпеченіемъ права, становится уже не словомъ, а дѣломъ. Безъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября ни крестьянская реформа, ни реформы земская и городская, выросшія изъ первой, не были бы полны, закончены, достаточно обезпечены.—Никакія общественныя установленія не могутъ развиться, ни даже пустить корней, если человѣческая личность не обезпечена въ своихъ элементарныхъ правахъ, если, говоря словами Екатерины II, «гражданинъ не имѣетъ спокойствія духа, происходящаго отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію».

И такъ вступленіе на престолъ нынѣшняго Государя Императора положило начало для новыхъ общественныхъ отношеній и завершило собою древнюю исторію русской земли. Пробѣгая мыслію своею вѣка, отсчитанные жизнію народовъ, припоминая себѣ все, что сильно и благодѣтельно волновало эту жизнь, не видимъ ни одного событія, въ которомъ бы царственная рука служила болѣе человѣческому дѣлу, чѣмъ та высокая, непоколебимая и благодѣтельная рука, которая дала силу и всемірно-историческое значеніе документу 19-го

февраля 1861 г., продиктованному сознаніемъ Державнаго Сердца, сущаго въ рукѣ Божіей. Нашимъ земскимъ собраніямъ, опирающимся съ одной стороны на крестьянскую реформу, съ другой на судебную не достаетъ только права контроля надъ общественными суммами, поступающими въ государственную казну, чтобы быть парламентами въ настоящемъ значеніи этого слова. Празднуя 25-ти-лѣтній юбилей Обожаемаго Государя, юбилей Царя-Освободителя, Россія праздновала свое гражданское воскресеніе, свое освобожденіе отъ ига и произвола древней бюрократіи Россіи, свою свободу отъ ига прежней, старой администраціи и потому-то весь русскій народъ охотно и вполнѣ подписался бы подъ тѣмъ адресомъ, который поднесли Государю Императору фабричные С.-Петербурга за манифестъ 19-го февраля 1861 года. «Единственный изъ Монарховъ! писали они. Ты соблаговолилъ день Твоего самодержавнаго воцаренія содѣлать днемъ свободы народной, и мы всѣ знаемъ, насколько въ этомъ дѣлѣ нашего освобожденія принимало участіе Твое вселюбящее сердце. Мы пришли благодарить Тебя за права гражданскія, которыя даровалъ намъ, за жизнь, которую Ты обновилъ для насъ, за наше настоящее счастіе, котораго не знали отцы и дѣды наши, за будущее счастіе нашихъ дѣтей и внуковъ".

Изъ ряда многихъ другихъ реформъ, совершившихся въ настоящее царствованіе, заслуживаетъ быть выдѣленнымъ цензурный уставъ 1865 г., по которому весьма ощутительно ограничено дѣйствіе предварительной цензуры. Свободнымъ учрежденіямъ нуженъ былъ свободный языкъ; онъ данъ цензурнымъ уставомъ и уже сослужилъ большую службу Русской землѣ. Мало того, что онъ выяснялъ, развивалъ и удерживалъ отъ уклоненія въ крайность, въ ту или другую сторону, всѣ реформы нынѣшняго царствованія, — онъ выработалъ въ Россіи новую общественную силу, которой не знала древняя Россія. Эта сила есть сила общественнаго мнѣнія, сила совершенно новая, указавшая и выяснившая чисто національные, русскіе интересы. Сомнѣвающимся въ

существованіи этой силы можно указать на единодушное всеобщее одушевленіе, проявившееся съ такою необычайною силою во время недавней русско-турецкой войны, на ту единую мысль и волю, которая вызвала эту войну, дала самостоятельность Сербіи, автономію Восточной Румеліи и жизнь Болгаріи. Такъ-называемый восточный вопросъ начался съ той самой минуты, какъ началась Россія. Самыя первыя преданія нашей исторіи связываютъ насъ съ судьбою тѣхъ странъ и племенъ, надъ которыми виситъ теперь этотъ, такъ называемый, восточный вопросъ. И послѣ, когда Россія вышла изъ того сжатаго, разобщеннаго съ историческимъ міромъ состоянія, въ которомъ она находилась послѣ татарскаго погрома, она снова очутилась въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ этимъ племенамъ и странамъ. Ея европейская политика, когда она стала европейскою державою, невольно потянула туда, и тамъ же всего болѣе сторожила ея дѣйствія ревность другихъ державъ. И такъ вопросъ этотъ не есть нѣчто случайное въ Россіи, что можетъ она принимать и не принимать; вопросъ этотъ есть нѣчто прирожденное ей, нѣчто связанное съ ея сущностью. Этотъ вопросъ есть ея внутренняя необходимость, на голосъ которой она не можетъ не отозваться. Проливъ на поляхъ и горахъ Болгаріи кровь своихъ сыновъ, она если и не вполнѣ разрѣшила этотъ вопросъ, то твердо его поставила и ясно намѣтила путь, по которому онъ можетъ и долженъ быть разрѣшенъ.

